

Бог и социальная правда в СССР

Наши дни — дни, когда время «сгустилось» — эпохи сжались в годы. В течение десятилетий возникли и обозначились духовные процессы и события, для которых в нормальное время, идущее под знаком «эволюции», а не «мутаций», потребовались бы столетия.

В России «революционный взрыв смыслов», взорвал и смысл религиозности, вызвал отлив океана веры, надежды, упования. Популяризованное издание запоздалого рационалистического «просветительства» — «Бога нет, а есть наука, которая все знает и все устроит» — грозило стать новой «русской» верой, окончательной философией и религией «новой жизни». Даже богоотступничества не было. Богоотступничество все же имеет какую то тень глубины, отблеск если не трагедии, то драмы. А тут, по выражению Розанова, «все так же легко и просто было, как точно в баню сходили и водой из шайки окатились».

Обмельние всенародной «богоносческой» религиозности providенциально совпало с приливом религиозности среди значительной части русской интеллигенции... В будущем, верим, книги и томы будут написаны в воспоминание и прославление подвижнической борьбы русской интеллигенции за веру, следования ей за Христом, даже до смерти, в час всенародного «поцелуя Иуды», или «отречения Петра» — тогда еще трудно было сказать...

Голгофа интеллигенции была началом воскресения народа, началом преодоления отступничества, возвращения к вере, к религиозности.

«Благоденственное и мирное житие», безмятежие наследственно-бытовой традиционной религиозности было насильственно и резко прервано. Народ, «впав в руки Бога живаго», дол-

жен был осознать — принять или отвергнуть великій и обязывающій дар и подвиг быть «хранителем» благочестія. Діалектика бореній и паденій завершается возвращеніем отвергшагося Петра.

Коммунистическая печать называет этот процесс «пролетаризаціей церкви», разумѣя под церковью всѣ виды и формы организованной религіозной жизни. «Если раньше, — пишет «Антирелигіозник» — попы и сектанты открыто говорили, что их главной опорой в деревнѣ является кулак и зажиточный, и раскулачиваніе расцѣнивалось как поход на религію, а в городѣ своим оплотом они считали разных бывших людей, то теперь попы и сектанты публично провозгласили «курс на бѣдноту». При выборах церковных и сектантских общинных совѣтов выбирают туда не кулаков, нѣмпанов или бывших людей, и гнилую интеллигентскую «обывательщину», а рабочих, работниц, крестьян-бѣдняков, батраков и середняков, самых отсталых, которые не в силах еще освободиться от их вліянія» («Антирелигіозник» № 10 1931 г.).

«Рыльскій епископ Алексій (ЦЧО) в специальной грамотѣ предписал всѣм подчиненным ему церковным совѣтам произвести перевыборы, избрав весь состав из бѣдняков и середняков. «Старые церковные совѣты — говорится в постановленіи — из кулаков и купцов демонстрируют перед населеніем классовый характер церкви и отпугивают рядовое населеніе» (там-же).

По началу можно было бы еще думать, что «пролетаризація церкви» — просто тактичскій пріем, один из способов приспособительно-защитительной окраски. Сейчас можно уже с полным основаніем говорить, что измѣненіе социальнаго лица отвѣтственных органов, выносящих на своих плечах всю тяжесть религіозной политики совѣтской власти, не внѣшнее, преходящее явленіе, а знак новаго момента в религіозном сознаніи, новаго качествования религіозной феноменологии и онтології. Можно говорить о новом религіозном сознаніи. Новом — не в смыслѣ измѣненія догматических традицій, нарушенія преемственности религіознаго развитія, а в смыслѣ новой религіозной постановки проблем и тем, до сих

пор не ставившихся так дѣйственно, не принимавшихся так вплотную и трепетно к сердцу. Тайственное сердце религиозной жизни перемѣстилось. Оно облеклось в новую социальную плоть и, овлаждая ею, оживотворило ее. Содержание и смысл религиозной мысли, а главное — дѣйствія, акцентированы иначе, чѣм в предшествующее время.

Социальная неправда глубоко волновала, мучила совѣсть интеллигенціи, побуждала к незнающему успокоенія исканію путей осуществленія правды. Исканія вытекали из сознанія моральнаго долга перед «труждающимися и обремененными». Они мало или почти совѣм не были укоренены в собственном опытѣ повседневной жизни и труда. Жрецы и жертвы служенія социальной правдѣ не имѣли опыта воспріятія идеи социальной справедливости изнутри, из горькой полноты жизни в условіях социальной несправедливости. «Смѣщеніе сердца духовной жизни», призывав к историческому творчеству тѣх, кто до дна и опытно знает, что такое социальная неправда, по новому поставило перед религиозным сознаніем и волей вопросы социальных отношеній, по новому окачествовало и воспріятіе социальной дѣйствительности, и отношеніе к ней.

Нужно учесть еще одну особенность, характерную для настрoenія тѣх новых социальных сил, которым сейчас в Россіи вручается долг быть активными хранителями благочестія.

В коммунизмѣ непосредственное ощущеніе, что «мір во злѣ лежит» дано — и дано безрелигиозно — почти с небывалой силой. Господство в мірѣ зла, ненависти, распада в коммунистическом міросозерцаніи утверждается, как всеопредѣлительная категория онтологіи. Внѣ борьбы и ненависти нѣтъ творящих, созидательных сил. Любовь, добро, — для коммунизма — только личины ненависти, «лукавство» изобрѣтательности эксплуататоров. Жалкія слова о любви, о состраданіи измышлены только для того, чтобы усыпить классовую ненависть масс — единственную созидающую новое прогрессивную силу бытія. Мір изшел из слѣпой необходимости и движется ненавистью и злобой. Только пролетаріат обладает силой и волей к тому, чтобы слѣпую иррациональность бытія впервые подчинить сознательным велѣніям человѣческаго коллектива, толь-

ко коллектив пролетаріата может просвѣтитъ свѣтомъ разума тьму и злобу міровой безсмыслицы. По коммунистическому исповѣданію пролетаріатъ призванъ и долженъ быть пантократоромъ, — «творцомъ вседержителемъ». Онъ логосъ и энтелехія мірового процесса. Въ немъ и черезъ него исторія обрѣтаетъ смыслъ, оправданіе и завершеніе: хаосъ міровой безсмыслицы становится космо-сомъ. Сознаніе власти, понимаемой какъ власть насилія, какъ неизбежность жестокой передѣлки — практической коррелятъ такого міросозерцанія. Паѳосъ властнаго хозяйствованія въ мірѣ является основнымъ паѳосомъ социалистическаго строительства въ Россіи. Наличіе или отсутствіе этого своеобразнаго паѳоса порождаетъ или самозабвенную отдачу «строительству», до готовности «весело» мириться съ неудобствами «переходнаго періода», или непримиримое отталкиваніе отъ «лихорадки темповъ», какъ непонятнаго, бессмысленнаго, раздражающаго безумія, какъ расточительнаго растрачиванія силъ и возможностей. Поэтому такъ и различны показанія, идущія изъ Россіи, такъ диаметрально противорѣчны воспріятія и оцѣнки происходящаго свидѣтелями.

«Мы измѣнили исторію, почему же намъ не измѣнить и географію? Мы такъ измѣнимъ географическія и физическія условія Россіи, что страницы старыхъ учебниковъ географіи Россіи должны быть вырваны и написаны заново» — увѣренно заявляютъ коммунисты въ Россіи, особенно молодежь. Изъ этого основнаго тона «музыки коммунистическаго міроощущенія» вырастаютъ и осуществляются проекты, кажущіеся трезвому уму нелѣпницей, безуміемъ — «создать въ Москвѣ вѣчную весну», заставить (непремѣнно заставить) Волгу опоясать Москву (есть таковая, готовый осуществиться проектъ), добиться того, чтобы Терекъ оросилъ плодородныя, но не пригодныя для культуры изъ-за отсутствія воды Кавказскія долины» и т. д.

Нужно учесть и оцѣнить фактъ необычнаго омоложенія дѣйствующей, активной Россіи. — 50% всей созидающей, творящей, дѣйствующей силы падаетъ на молодежь.

«По приблизительнымъ даннымъ — говорилъ Лещинеръ на пленумѣ ЦК ВЛКСМ — въ угольной промышленности мы имѣемъ до 70% рабочей молодежи, въ металлургической — до 50%, въ элек-

тротехникъ — между 50 и 60%» («На путях к новой школѣ» № 1 1932 г.).

Увѣренность в том, что «можно измѣнить исторію», остается основным настроеніем и при возвращеніи к Богу, сказывается и в постановкѣ и в рѣшеніи задач, стоящих пред религіозным сознанием.

На напряженном жизненном вниманіи к вопросам социаль-но-праведнаго устройства неожиданно встрѣтились и пересѣклись чаянія религіозников и чаянія коммунистов. Чрезвычайно показательны в этом отношеніи процессы, особенно явственно обозначившіеся в сектантствѣ. Сектантство болѣе психологично, чѣм православіе, католичество, іудейство. Кроме того, сектантство в своей ведущей и миссіонерствующей части состояло и состоит главным образом из деревенской и городской полуинтеллигенціи. Оно духовно удовлетворяло главным образом социальныя слои промежуточнаго типа. Новая религіозная интеллигенція, формирующаяся в Совѣтской Россіи, по своему интеллектуально-духовному уровню и типу, по своему социаль-ному статусу психологически близка сектантству. Чувство какой то родственности, близости процессов, совершающихся в народных массах, с духовным и интеллектуальным генезисом сектантства, толкает многія вѣтви сектантства на путь быстрого сближенія с развивающимися процессами до полной ассимиляціи с ними. Эмоціональная романтика социаль-но окрашенных сектантских чаяній соприкоснулась с эсхатологической одержимостью коммунизма. Мечта о царствіи Божіем на землѣ в смѣсительном неразличеніи сплелась с коммунистической про-екціей грядущаго безклассоваго и безгосударственнаго обще-ства, которым должна завершиться «диктатура пролетариата». Извѣстный братец Иванушка Колосков, вождь трезвенников, писал в 1929 году: «Мы — старые религіозные коммунисты — вполне искренне и сознательно стремимся к установленію на землѣ царствія Божія, которое представляем себѣ в видѣ все-мірнаго коммунистическаго объединенія, установленнаго на основѣ вѣры в Иисуса Христа и Его ученіе. Мнѣ думается, что в вопросѣ строительства о б щ и н н о й , коммунистической

жизни наши цѣли и цѣли революціонныхъ коммунистовъ вполнѣ совпадаютъ: и мы, и они строимъ коммунизмъ».

«Мы — пишетъ в своемъ посланіи центральный совѣтъ баптистовъ — рекомендуемъ братьямъ и сестрамъ остановить вниманіе на слѣдующихъ моментахъ: Иисусъ Христосъ былъ первымъ великимъ социалистомъ и коммунистомъ, духовнымъ отцомъ и предшественникомъ коммунистической партіи. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Христосъ впервые в исторіи человѣчества бросилъ в жизнь тѣ яркіе лозунги и великіе принципы, которые коммунистическая партія в настоящее время воплощаетъ в жизнь» («Антирелигіозникъ» № 10).

Исканіями осуществленной социальной правды, жаждой именно воплощенія этой правды полны и новыя религіозныя сектантскія образованія. И чѣмъ юнѣ такія образованія, чѣмъ болѣе они «современны», тѣмъ властнѣе и полнозвучнѣе эти социальные мотивы. В селѣ Можайскомъ нѣкто Соловьевъ, основатель новой секты, проповѣдуетъ: «Христосъ былъ революціоннымъ Богочеловѣкомъ, давшимъ міру коммунистическое ученіе, основу нынѣшней коммунистической партіи». Сектантство заостряетъ и в своемъ психологизмѣ доводитъ до крайности то, что происходитъ в религіозной жизни. Религіозники всѣхъ оттѣнковъ приняли, какъ задачу для рѣшенія, многія темы и проблемы коммунизма, поскольку в нихъ выражено стремленіе къ социальной правдѣ и творчеству над осуществленіемъ ея, отвергнувъ дух и методы коммунизма.

Сознаніе возможности органическаго синтеза задачъ, поставленныхъ коммунизмомъ, угадавшимъ «музыку» мироощущенія новой исторической эпохи, с вѣлніями и требованіями религіозной правды, с особой убѣдительностью сказывается в потуханіи массоваго паѳоса безбожной работы. В началѣ коммунизму болѣе или менѣе удалось «мобилизовать ярость массъ» противъ Бога, добиться подобія широкаго массоваго безбожнаго движенія. Средствомъ для этого было подчеркиваніе органически-неустранимой враждебности всякой религіи движенію къ новому, лучшему социальному строю, разжиганіе ненависти къ вѣрѣ, какъ болѣе организованной реальной силѣ, препятствующей осуществленію чаяній социальной правды. Но призракъ

непримиримости религии с теми исканиями новой праведной жизни, которая владыкует волей народа, постепенно исчезает. Число теряющих веру значительно, но это безбожие без воли к прозелитизму, вялое, «осеннее». Отчеты СВБ, жалобы на съездах, на конференциях, неизменно отмѣчают, что «организованная совѣтская общественность» упорно не ведет и не хочет вести антирелигиозной работы. В соответствующие моменты в пышных декларациях «клеят предательскую роль религии», пламенно клянутся «уничтожить врага на важнѣйшем участкѣ классовой борьбы, со всей силой пролетарской ненависти и большевистской непримиримости». ЦСВСПС издает грозные циркуляры, «уточняет и конкретизирует мѣропріятія по борьбѣ с религиозным дурманом», грозит скорпионами пролетарской дисциплины, а низовыя организациі отвѣчают: «На тебѣ двугривенный, и отвяжись ради Бога». «У нас задачи поважнѣй». «Антирелигиозная работа только мѣшает». Любопытнѣе всего, что сами рядовые искренніе коммунисты тоже начинают чувствовать, что между теперешним основным тоном религиозно настроенных масс и идеальными устремлениями коммунизма есть возможность какого то долгаго «попутничества». Различны общія предпосылки, но основное — обращенность к социальной правдѣ, потребность осуществленія ея, жажда воплощенія — общи. Недаром в 1930 году ряд коммунистов печатно выступил с предложеніем — в виду тождества социального мірочувствія и цѣлеустремленности — вмѣсто безпольной и бесплодной борьбы в мирном сотрудничествѣ работать вмѣстѣ с религиозниками над общей цѣлью, трудиться над осуществленіем идеалов социально-праведной жизни. Религиозное пріятіе и освященіе правды, заключавшейся в новом социальном мірочувствіи, поразило основной нерв массовой антирелигиозной борьбы, ослабило и обезсилило мотивы к ярости, гнѣву, ненависти.

По мѣрѣ того, как исчезает марево фикцій о безусловной непримиримости религии с новым мірочувствіем, намѣчается и становится все явственнѣе возможность — говоря по совѣтски — «ведущей роли религии». Верующіе, без различія отгнѣнков и направлений, все увѣреннее обнаруживают волю и вкус к то-

му, чтобы изнутри постичь то, что в откровениях нового социального бытия и сознания является откровением вѣчной правды, все опредѣленнѣе хотят войти в совершающееся в качествѣ активной силы; в религиозно-творческом оформленіи новых социальных возможностей полагают свой религиозный долг и видят свою религиозно-историческую задачу.

Социальная проблема во всей ея широтѣ, — как вопрос о новом мірѣ, о новом человѣкѣ, о новой жизни, о радикальном измѣненіи самого мѣста человѣка в мировом бытіи и исторіи — была поставлена безбожным коммунизмом. Уже одно это должно было на первых порах оттолкнуть религиозное сознание. Методы разрѣшенія поставленной проблемы, примѣняемые коммунизмом, усиливали естественное отталкиваніе. Неправда коммунизма невольно переносилась на самую проблему, которую ставил коммунизм. Воинствующее безбожіе обрушилось на церковь. В дни, когда в подвижническом героизмѣ религія утверждала и утвердила свое право на жизнь и дѣйствіе, не было времени вникнуть в творившееся кругом, осмыслить его, религиозно осознать и освятить. Только в послѣдніе годы, когда непосредственная острота борьбы за право на бытіе притупилась, началось религиозное освоение и уясненіе того новаго историческаго содержанія, новых исторических задач, которыя принес с собой приход к активному религиозному строительству новых социальных слоев, началось подлинное овладѣніе тѣм, что дало перемѣщеніе сердца религиозной жизни.

В народненіи и развитіи сознания, что мір социальных отношеній имѣет существенно религиозный аспект, что вѣрующіе не могут быть религиозно равнодушными к социальной дѣйствительности, извѣстную и, кажется, значительную роль сыграли коммунистическія обличенія моральной неправды современнаго капитализма и особенно документально обоснованныя обличенія роли религіи, как орудія государственной политики, помощницы сильных и богатых. В нѣкоторых случаях страстное обличеніе коммунизмом неправды капитализма достигает такой выразительности и воодушевленія, что невольно вспоминаются вдохновенныя рѣчи ветхозавѣтных пророков, обличавших неправду богатых и властвующих. Сознание неправды звало к

покаянію и к исправленію. Внутренняя покаянная работа, глубокая переоцѣнка всего прошлаго, в свѣтъ осознанной неправды, привела к непріятію капиталистических основ соціального строя, к исканію такой соціальной системы, которая полнѣе и совершеннѣе выражала бы реальное братство между людьми, освобождала бы и возвеличивала бы духовное значеніе челоуѣка.

В 1927 году, 16 іюля центральный совѣт баптистов в РСФСР издал «Декларацию об установленіи и защитѣ справедливого общественного строя». В декларации ЦС баптистов заявляет: «Съѣзд считает, что наиболѣе соотвѣтствующей евангельским идеалам формой общежитія, как наиболѣе совершенной и справедливой, является соціалистическій строй жизни, осуществляемый путем усиленной борьбы за него всѣми духовными и матерьяльными средствами»...

Напечатанные в журналѣ «Путь» соціальные и экономические проэктъ невѣдомаго русскаго инока — показательный отголосок этих внутренних религіозных исканій и отвѣтов. В 1928-1929 году группа батюшек Петербургской епархіи обратилась к митрополиту Серафиму со специальным заявленіем. В нем говорилось, что сейчас «міром владѣет смертельный грѣх — капитализм. Проповѣдь очищенія от грѣха вот основная задача». Дальше идут слова, которыя прозвучат для нас, может быть, очень болѣзненно, ранище, но они понятны в свѣтъ наврѣвшеі воли к новой соціальной дѣйствительности, в свѣтъ сознанія, что совѣтская власть «не волею пророчествует» — в своей неправдѣ служит какому-то оформленію и выявленію осознанной многими правды». «Церковь — писали батюшки — не только лойяльна по отношенію к государственной совѣтской власти, но и всѣми силами способствует государству в выявленіи соціальной правды в челоуѣчествѣ». (Шейеман. «Контрреволюція под флагом религіи». «Молодая Гвардія», 1929 год, № 7-8).

К этому же времени относятся «попытки создать нѣчто в родѣ христіанскаго соціалистическаго движенія у нас (в СССР), на подобіе христіанскаго социализма на западѣ» (там же).

Можно опредѣленно сказать, что в Россіи для религіоз-

наго сознания и дѣйствія вопросы соціальной правды перестали быть внѣшними, «мірскими»; с периферіи релігійозной жизни они переходят в центр, лежат как «перстень завѣта на сердцѣ».

Утвержденіе соціальной правды, как дѣла прежде всего релігійознаго, в совѣтских условіях часто принимает даже странныя, граничащая с кощунством, уродливыя формы. Совѣтскій культ Маркса и Ленина становится релігійозным. Они, как отличители соціального зла, предсказывавшіе о новой соціальной дѣйствительности, потрудившіеся над осуществленіем ея, начинают почитаться как своего рода пророки, невѣдомо для себя служившіе правдѣ Божіей, как вѣщія Сивиллы, во мракѣ язычества темно, косноязычно проповѣдавшіе о приближеніи свѣта правды. У Чуриковцев (трезвенники) в молельнях «рядом с изображеніем Иисуса Христа можно видѣть портреты Маркса и Ленина и лозунги вродѣ такого — «С Богом и коммунистами построим социализм». «Христос в прошлом тоже, что Ленин в современности» — в кощунственном смѣшеніи заявляет уже упоминавшійся Соловьев. «В Челябинскѣ в одной из церквей рядом с иконами висѣли портреты т.т. Ленина и Калинина». «Проповѣдники баптистов и евангельских христіан в Донбассѣ утверждают, что Ленин и Маркс — ученики Христа. «К. Маркс построил свой «Капитал» — говорят они — на базисѣ Христова ученія. Ленин всѣ свои рѣчи и статьи строил на основѣ правды Евангелія Христова. Коммунизм возможен лишь через ученіе Христа. Евангеліем мы уьем эксплоатацію и уничтожим капитализм»...

Одним из показательных признаков перемѣн и сдвигов, намѣтившихся в области релігійозно-соціального сознания и дѣйствія, является измѣненіе отношенія к новым соціальным формам. Особо это примѣтно в отношеніи к колхозам. «Антирелігійозник» — в статьѣ-сводкѣ — отмѣчает, что сейчас «немало фактов официальной пропаганды попов в проповѣдях за вступленіе в колхозы» (№ 10 за 1931 год). «В западно-нѣмецком районѣ Украины католическій патер Вольф совѣтовал крестьянам итти в колхоз, но при этом не забывать Бога». Такія же сообщенія есть и о других представителях католическаго духовенства («Антирелігійозник» — «Церковь в нѣмец-

ких районах Украины» — №№ 2-4 1932 года). «Поп села «Хрѣновскіе выселки» (ЦЧО) в проповѣдях усиленно звал вступать в колхозы». «В Ново-Калитвенском и В. Михайловском районах попы объявили в церквах, что отнынѣ они будут принимать к исповѣди и причастію только колхозников». «В Россосанском уѣздѣ, гдѣ коллективизировано около 100 проц. крестьянских хозяйств, епископ (к сожалѣнію, невозможно определить, к какому теченію принадлежит он), разослал по всѣм приходам распоряженіе, в котором предлагал всѣм попам и церковным совѣтам под страхом лишенія сана и отлученія от церкви, прекратить всякую связь с кулаками» (Антирелигіозник № 10). Распоряженіе епископа, если оно передано журналом точно, звучит странно, кажется продиктованным совѣм нецерковными мотивами... Но вот что любопытно и краснорѣчиво — так наз. «кулаки», с которыми предлагается прекратить всякое общеніе, которые как бы исключаются из состава церкви, не только не смущены этим, но — по заявленію «Антирелигіозника» — являются даже инициаторами этой мѣры. Трудно все до конца понять, но думается, что это противорѣчіе не так то противорѣчиво, как это кажется. В зигзагообразности совѣтской жизни такія «непротиворѣчивыя противорѣчія» являются «лукавством добрым жизни», оказываются и нужными и спасительными. Цѣною таких «противорѣчій» мудрость жизни приглушает остріе классової политики совѣтской власти, обрекающей цѣлые слои населенія на физическое истребленіе. «Кулаков надо уничтожать не под корень, а с корнем» — говорит Давыдов — герой новаго романа М. Шолохова — «Поднятая цѣлина». В Давыдовѣ Шолохов пытается дать образ идеальнаго, стопроцентнаго «партіяца», идейнаго коммуниста, «с большевистскої настойчивостью и яростью строящаго социализм». Всеконечное раззореніе и погубленіе «кулака» с корнем, так, чтобы не осталось «ни корешка, ни зернышка на сѣмя-племя» — герою «грандіозной стройки» кажется единственным дѣйствительным путем служенія — хотя бы с пролітіем и своей, и чужой крови — «правдѣ коммунизма. «Жалко стало, что выселяют кулацкія семьи?» — насмѣшливо спрашивает он Андрея Разметова — предсѣдателя сельсовѣта, тоже ком-

муниста, когда тот «не выдержал» того, что именуется «раскулачиванием»... Подумаешь!.. Для того и выселяем, чтобы не мѣшали нам строить жизнь без таких,... чтобы в будущем не повторялось... Ну, выселим кулаков к черту, на Соловки выселим. Вѣдь не подохнут же они! Работать будут — кормить будем. А когда построим, эти дѣти (дѣти кулаков, которых и пожалѣл Андрей) уже не будут кулацкими дѣтьми. Рабочій класс их перевоспитает» («Новый Мир» № 1, январь 1932 года). Давыдов — «двадцатипятидесятничик» — один из 25.000 рабочих-коммунистов, мобилизованных партией для «пролетарского руководства» в проведеніи «раскулачиванія» и «коллективизации». Он — «герой класса», коллективный «партиец». Во имя догмы «завершающаго періода построения социализма» «золотое сердце» собирательнаго Давыдова, в упоеніи сознания, что он «живет в великую эпоху построения новаго міра» — убѣжденно-тупо истребит и искоренит тысячи «классовых врагов» — «общих кровососов-вампиров и кулаков», ни на минуту не сомнѣваясь в том, что это необходимо для того, чтобы воцарилась «правда». «Кулакам», — «кулаками», вѣдь, была признана вся наиболѣ хозяйственная и духовно крѣпкая часть деревни, — чтобы спастись от физическаго истребленія, нужно было «самоупраздниться», самоуничтожить тѣ признаки, на основаніи которых их могли бы причислить к «кулакам». При таком «самораскулачиваніи», при содѣйствіи и попустительствѣ со стороны мѣстнаго «низового аппарата», можно было еще укрыться от пріѣзжавшаго для «пролетарскаго руководства» «классоваго начальства». «Коллективизация хозяйства» — колхозы, трудовыя товарищества, артели, провозглашенныя и утвержденныя в качествѣ форм социалистическаго хозяйства — по неожиданной діалектикѣ жизни — в дни «построения социализма в одной странѣ» — оказались защитительными загражденіями, своего рода «окопами на хозяйственном фронтѣ», в которых кое как можно еще отсиживаться — укрываться от «ураганнаго огня» социалистическаго «творчества» власти. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго в том, что постановление о «разрывѣ сношеній с кулаками под угрозой лишенія сана и отлученія от церкви» издается по почину и,

возможно, по слезным просьбам, самих же «кулаков». Но это только одна сторона тѣх противорѣчивых процессов, что совершаются в религиозной эмпириі в Совѣтской Россіи. За ней стоит другая, болѣе существенная. Колхозы вначалѣ встрѣтили крайне отрицательную оцѣнку со стороны вѣрующих.

По замыслу компартіи — коллективизація деревни должна была быть исключительно мощным фактором не только хозяйственнаго преобразованія, но и полнаго духовнаго перерожденія деревни, должна была повести к быстрому и всестороннему торжеству безбожія, оформленію и укрѣпленію сознанія, что новую жизнь «надо строить без Бога, но с машиной». Религиозное непріятіе колхозов безусловно оправдано. Но вмѣстѣ с тѣм — даже насильственная коллективизація — в самом моментѣ общаго труда и тѣх соціальных эмоций, что связаны с фактом организованнаго общаго труда, несла нѣчто такое, что неизбежно должно было привлечь вниманіе религиознаго сознанія.

«Колхозная ориентація» обнаружилась среди всѣх религиозных теченій. Сектанты и здѣсь дают максималистическія формулировки.

«В колхозах Бог — говорит Ефимов — глава секты, «новый союз духовнаго Израиля», и поясняет, почему в колхозах Бог — в них «сглаживается экономическое неравенство среди людей» и, что с религиозной точки зрѣнія, конечно, существеннѣе и нужнѣе, — «умиротворяется вражда» в общем трудѣ и стремленіи к общей правдѣ, утихает сила ненависти, ослабѣвает огонь классовой злобы. «Люди неравны в жизни» — заявляют участники сельско-хозяйственной артели «Красная Заря», организованной «Духовным союзом новаго Израиля», «только артели и коммуны дадут им равенство». «Слѣдуя точному указанію нашего божественнаго учителя Иисуса» — пишут амотдѣлу баптисты села Песков, жалуясь на исключеніе из колхоза нѣкоторых сектантов и на отказ принимать главарей — мы с великим удовлетвореніем встрѣтили планы нашего правительства о коллективизаціи нашей страны с цѣлью уничтоженія нищеты и угнетающей всѣх граждан нужды».

Религиозники в своем принятіи новых форм борются за пол-

ноту и всеобщность социальной правды, против одностороннего искажения, ущерба этой правды в коммунистическом строительстве. «Наш колхоз — пишут евангельские христиане села Новорепутское — должен быть, что ясное солнышко — всех людей одинаково греть». Задача раскрытия религиозного смысла, потенцированного в формах коллективной жизни и труда, сознание религиозной потребности овладеть этими новыми формами изнутри, вызывает возникновение коллективных хозяйств, объединяющих людей по религиозному признаку, для религиозных целей. В некоторых религиозных течениях создание таких коллективов намечается в качестве религиозной задачи первостепенной важности. «Учитывая современное положение в стране — говорится в постановлении межрайонного объединенного съезда баптистов и евангельских христиан (январь 1930 года) — решено: организовываться братьям и сестрам в трудовые артели, в трудовые и сельскохозяйственные товарищества, которые потом должны объединиться в уездные союзы. Организацию провести на кооперативных началах, но чтобы эти предприятия были исключительно братские, т.-е. чтобы могли участвовать в них, как трудом, так и материально только те, кто состоит действительными членами общин баптистов и евангельских христиан».

Сектанты — островки среди моря православных. Они неизбежно жмутся друг к другу, образуют специально сектантские колхозы. По своей исключительности такие колхозы, естественно, прежде всего и привлекают внимание воинствующего безбожия. Но процесс противопоставления коммунистической односторонней «классовой справедливости» религиозного понимания социальной правды, как дела общей, взаимной солидарности, сотрудничества и взаимопомощи, стремление к созданию своих «колхозов», наблюдается у всех «религиозников». «Попы Котельнического района — сообщает об одном из таких случаев религиозного освоения новых форм социальной действительности «Антирелигиозник» — проводили среди вбрующихся усиленные сборы зерна, а потом это зерно раздавали беднякам на обменение полей... — Подобный же факт отмечен в Бутурлиновском районе, когда кулаки роздали беднякам через

церковь до восьми с половиной тонн зерна, чтобы подкупить их», — добавляет автор замѣтки, обязанный слѣдовать схемѣ и не вѣрять в чистоту и безкорыстіе каких бы то ни было дѣйствій классоваго врага. Религіозники выступают в качествѣ активных защитников социальной правды не только в борьбѣ против классовой структуры коллективизации. Борьба вѣрующих за подлинную социальную правду встрѣчается и в других формах. «В Фатежском районѣ поп в союзѣ с кулаками — язвит «Антирелигіозник» — рѣшил показать себя защитником бѣдников-единоличников, пострадавших от искривленія линіи партіи со стороны правленія мѣстнаго колхоза. Головоуяпское постановление правленія колхоза об отведеніи бѣднякам-единоличникам худших посѣвов — было отмѣнено риком по ходатайству делегации, организованной и проинструктированной попом... В городѣ Дмитріевскѣ, на собраніи вѣрующих в церкви было вынесено требованіе горсовѣту улучшить снабженіе города продуктами. Тѣм самым церковники — добавляет автор корреспонденціи — создали почву для разговоров, что церковь является защитницей трудящихся».

Все только отдѣльныя черточки, маленькія детали, какіе-то разрозненные живые камушки пестрой мозаики «потаенной Россіи», ищущей, страдающей, ждущей осуществленія цѣлостной правды. Никаких выводов, обобщеній дѣлать не слѣдует. Но отмѣченныя черточки, штрихи дѣйствительности упорно повторяются, не только не пропадают, но встрѣчаются все чаще и чаще. Видѣнія Новаго Града посѣтили Россію, влекут, вдохновляют, зовут к труду и подвигу над осуществленіем. Совѣтская дѣйствительность не идиллія. Возможно, что совѣтскій суховѣй до корня выжжет пробивающіеся ростки, убьет волю к цѣлостной религіозно-социальной правдѣ. Но то, что есть, так упорно живет и существует вопреки и наперекор всему, что тверда надежда: потаенное сегодня, завтра станет явным.

И. Лаговскій.